

Дарина Ладорская

Царица Нави 18+

Дарина Ладорская

Царица Нави

«Автор»

2026

Ладорская Д.

Царица Нави / Д. Ладорская — «Автор», 2026

Рада была светлой ведьмой, пока ее не предали все, кому она доверяла. Ее приговорили к казни, она взошла на костер, но... не умерла, а прошла через Огненную реку к берегам Нави – миру вечной тьмы, костей и праха. Здесь правит богиня смерти, чья власть – безгранична, а милость – невозможна. Живой душе не место в ее царстве. Но Рада здесь — и Марена уже идёт по её следу. Единственный, кто может помочь ведьме вернуться в свой мир – Безликий, таинственный Князь Ночи, чьё истинное имя всеми забыто. Он готов обучить её тёмному колдовству. Но готова ли она променять свет души на тьму? И хватит ли этой тьмы, чтобы выжить? Чтобы вернуться домой. Чтобы отомстить тем, кто обрёк её на смерть. Вот только мир людей трещит по швам. Великий князь Беловодья открывает врата новому богу, а все, кто обладает древним колдовством, становятся угрозой для его трона. Успеет ли Рада вернуться до того, как старый мир сгинет под натиском нового — и найдёт ли она в родном доме что-то, кроме пепла и смерти?

© Ладорская Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Капкан	8
Глава 2. Четыре угла	14
Глава 3. Мокошева ночь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дарина Ладорская

Царица Нави

ПРОЛОГ

Когда Рада очнулась ото сна, вокруг нее уже полыхало пламя.

Она закричала. От страха, когда увидела, как красные всполохи подбираются ближе к подолу ее белой сорочки. От боли, когда огонь лизнул ее за пятки. От ужаса, когда в нос ударил запах опаленной кожи. Ее кожи. Надрывный, полный отчаяния вопль поднял в воздух стаю голодного воронья, почти невидимую на фоне ночного беззвездного неба. Их оглушительное карканье лавиной обрушилось землю, заглушив ее голос.

Рада заметалась из стороны в сторону, пытаясь убраться подальше от кусавшегося пламени, но ее запястья крепко перетянули бечёвкой за спиной. Она оказалась прикована к высокому деревянному столбу, от которого нельзя отойти ни на шаг. Куда ни глянь – везде разложили хворост и сухие еловые иголки, медленно пожираемые огнем.

От дыма слезились глаза, из горла вырывался кашель. В надежде ослабить путы Рада рвалась вперед, но толку не было: бечёвка медленно обглаживала кожу на запястьях и не желала отпускать добычу. Из-за ужаса Рада не сразу поняла, что каждое движение почему-то еще отзывается болью в животе. Она мельком глянула вниз и увидела расплывшееся по сорочке красное пятно. Воспоминание, как молния, вспыхнуло перед глазами. Охотничий нож. Торчащая из ее живота рукоять в виде волчьей морды. Рука предателя, сжимающая ее.

Потеряв надежду разорвать веревку, Рада в панике позвала на помощь. За дымом она увидела мало, но без труда догадалась, куда ее занесло. Она была на Силородной Пустоши – единственном месте в Триречье, где испокон веков находился каменный помост, на котором она сейчас стояла. Густой дым от только что разгоревшегося костра понемногу развеивался, истончался, и сквозь пелену застилавших глаза слез Рада разглядела людей – так много, что ее взгляд никак не мог выбрать, за кого зацепиться. Окружившие ее люди были женщинами. И все они открывали и закрывали рот, будто что-то говорили ей.

Значит, она не одна! Ей сейчас помогут! Она спасена!

От облегчения, разлившегося по телу, странная пелена в ушах, какая возникает от случайно попавшей воды, лопнула, как мыльный пузырь, и на Раду обрушилась волна ругательств и проклятий.

— Душегубица! Убийца!

— Я так и знала, что Ворониha с нежитью знается!

— Да костер по ней давно плачет! Ее Елена жалела только, и вот что из жалости этой вышло!

— Гадина! Блудница! Тьфу!

— Рада! Не бойся! Пока горит в сердце Сварога огонь, смерти тебя не одолеть!

Ничего не понимая, Рада ухватилась за последний зов – такой знакомый, такой родной – и увидела, как несколько женщин в белых сорочках заломили за спину руки ее бабушки Яги и крепко держат ее мечущееся, словно в агонии, тело. В отчаянии Рада что есть мочи ринулась ей навстречу, но хомут из бечёвки лишь врезался в столб и не дал ей ступить ни шагу. Пламя снова лизнуло ее ноги, и она с визгом отпрыгнула назад, вжавшись в столб, куда огонь пока не дотягивался.

— Прошу, отпустите! — взмолилась Рада, обращаясь к своим сестрам, светлым ведьмам Триречья. — Что я вам сделала? Я ни в чем не виновата!

— Лгунья! — зашипели на нее со всех сторон, а кто-то даже плюнул, метко попав ей в лицо. Глаза Рады заслезились от дыма и обиды, и она, разозлившись, плюнула в обидчицу в ответ.

Ее жалкая попытка защититься прорвала плотину.

В нее полетели камни. Большие и малые – все, что оказались под рукой у обозленных женщин и детей. Целились ведьмы в голову, но меткостью мало кто мог похвастаться: большинство попало в живот и плечи, отчего Рада скривилась от боли и осела на каменную гладь помоста. Она не могла защитить себя из-за связанных рук, но камни были малой бедой. Огонь – вот настоящий истязатель, подкрадывающийся все ближе. Плача от боли и унижения, Рада подняла глаза к небу и дрожащим голосом начала напевать заговор для вызова дождя. Если с неба хлынет ливень, огонь костра потухнет, и у нее появится шанс оправдаться. Бабушка Яга рядом. Она поможет, заставит Светлейшую ее выслушать.

Но едва губы Рады зашевелились, как одна из девушек, Маринка, выскочила вперед, смело подбежала к костру и швырнула камень, попав прямо в лоб Рады. От корней волос по бровям, щекам и губам заструилась горячая кровь. Слова заговора рассыпались, как бусины порванного ожерелья. Перед глазами все поплыло, превратившись в страшную, безобразную мешанину из проклятий, ругани, плевков и призывов поскорее казнить ее.

— Радмира! — разом заглушил все крики властный голос Светлейшей ведьмы Триречья. Сквозь алые вспышки перед глазами Рада разглядела свою выступающую вперед наставницу. Нет, не наставницу. Палача. — Ты нарушила важнейшие законы Триречья. За убийство человека, сокрытие тяжкого преступления и владение темным колдовством ты приговорена к смертной казни. Пролившая кровь кровью заплатит. Вместе с прахом ветер развеет имя твое. Огонь поглотит память о тебе. И твоя сила, что должна была служить людям во благо, отныне никому не причинит вреда. Запретные тропы ведут лишь во тьму. И зная об этом, ты все равно выбрала путь во мрак. Как твоя наставница, я разочарована в тебе, Рада. Триречье изгоняет тебя... навеки.

— Рада, отыщи... Безликого! — крик бабушки утонул в неистовых воплях ведьм, которые поддержали слова своей предводительницы.

Светлейшая взяла из рук своей дочери Лады последний факел и направилась к костру.

Раде следовало испугаться Елену. Испугаться беспощадного огня, что вот-вот оборвет ее жалкую жизнь. Но она не могла думать об этом. Она смотрела лишь на Ладу – свою лучшую и единственную подругу. Безмолвной тенью стояла она в толпе своих сестер, которых сегодня должна была навсегда покинуть. Свадебное алое платье, сшитое для нее Радой, кровавым пятном темнело среди белых сорочек остальных ведьм. Лада смотрела на костер опустевшими глазами, в которых отражалось пламя и плескалась печаль. А по белым, как мел, щекам стекали слезы – горячие и блестящие, как россыпь алмазов.

Гнев в крови Рады вскипел, утопив страх и отчаяние. Плачет? Как смеет эта гнусная предательница лить горячие слезы? Да если бы не она, Рада никогда бы не оказалась на этом костре!

Толпа недовольно заворчала. Расталкивая женщин и девиц, к костру пробирался юноша со светлыми вьющимися волосами и соболиной шкурой на плечах. Он звал Раду по имени и, кажется, просил ведьм остановить это безумие, но его жалкие попытки вызвали лишь холодную улыбку на окровавленных губах приговоренной к смерти.

«И ты тоже виноват. Это все из-за тебя!»

Лада.

Веян.

Елена.

Эти имена набатом стучали в ее ушах. Громогласным эхом откликались в сердце. Ядовитыми ручьями растекались под кожей.

Выхода нет. От осознания своего поражения у Рады будто камень свалился с души. Ей не спастись. Эта тройца расставила ловушку, в которую она по глупости своей попала, не заметив дыма от заранее подпаленных поленьев. И хоть Рада до ужаса страшилась тьмы, что протягивала к ней когтистые лапы, сейчас злость затмевала страх. Затмевала все человеческое, что в ней еще оставалось!

Превозмогая колючую боль в животе, Рада поднялась на ноги. Гордо выпрямилась, вздернула подбородок и презрительно оглядела свою родную общину с высоты помоста для казни преступников. Милосердное время остановилось, пока она заглядывала в лицо каждому, кто предал ее. Кто не пожелал выслушать. Кто осудил, даже не узнав ее историю.

Осудил лишь за то, что она желала быть частью их семьи.

Каждого, кто бросил в нее камень, она запомнила навечно.

— Вас всех... — прошипела она, вливая в голос всю злобу, что переполняла ее изнутри. — Каждую светлую ведьму... я проклинаяю! Может, вы меня и не считали родней, но меня приняло Триречье. Святая земля мне свидетель: я ни в чем не виновата! Я никогда не прощу вас за эту жестокость! Скормленная огню – огнём воротится! Клянусь своей душой – я приду к вам из Нави и разожду пламя, в котором вы сгорите. Все до единой! Вы будете молить о смерти — а я останусь глуха к вашим мольбам. Луну призываю в свидетели – клятва будет исполнена!

Хотя Рада обращалась ко всем, смотрела она лишь на Ладу. На плачущую, растерянную, испуганную Ладу. На свою единственную подругу.

И на своего злейшего врага.

В опустившейся на Пустошь тишине лишь хворост неумолимо трещал, погибая в безжалостном пламени. Светлейшая подошла к Раде, заглянула ей в глаза и, едва заметно улыбаясь, тихо попросила:

— Если встретишь во тьме свою матушку, передай ей мои лучшие пожелания.

Легким взмахом руки она отправила последний факел в разгоревшееся пламя. Искры взлетели к небесам, мечтая подобраться как можно ближе к полной луне. В последний раз взглянув на безразличный к ее страданиям небесный белый круг, Рада закрыла глаза. К ее босым ногам подкатилось что-то теплое и едва ощутимо придавило пальцы. Неужели даже сейчас, когда ее участь решена, кто-то решил в последний раз бросить в нее камень? Она оттолкнула его в огонь — но он не отлетел. Прилип к пальцам, будто живой, налился странной тяжестью...

Пламя лизнуло ноги. Подол сорочки загорелся.

Рада стиснула зубы и пообещала себе не кричать от боли.

Но все же закричала.

Глава 1. Капкан

В Триречье испокон веков жили только женщины. И все – светлые ведьмы, наделенные даром. В отличие от крестьян, поднимавшихся с первыми петухами и принимавшихся за тяжелую работу, ведьмы Триречья не считали нужным вставать спозаранку и приниматься за хлопоты по хозяйству. В этот ранний час замолкли даже сверчки с цикадами, птицы еще не покинули свои гнезда, и даже ветер стих, прекратив завывания в трубах избушек. В воздухе пахло прохладой, свежестью и чистой росой. Улыбаясь, Рада, сидящая на крыльчке своей избы, протянула ноги и окунула босые ступни в сырой ковер травы. Кожа покрылась мурашками, но восторг, который испытала девушка, нельзя было передать словами. Ей нравилось ходить босиком – так она чувствовала силу земли, струящиеся потоки мощной силы под ней. Так ей казалось, что она и окружающий ее мир – единое целое.

Встряхнув головой и прогнав наваждение, Рада развернулась лицом к ступеньке, служившей ей письменным столом, вновь схватила перо, обмакнула его в чернила и продолжила переписывать главу об исцеляющих свойствах чертополоха на отдельный лист старой, местами порванной бумаги. Этот аккуратно расписанный и разрисованный лист вскоре станет частью ее Белой книги – рукописного собрания всех знаний, которые она сумела накопить за годы изучения колдовства. А толстую рукопись, в которой Рада отыскивала описание чертополоха, придется вернуть травнице Авдотье, пока та не заметила пропажу своей Белой книги. Такими вещами не принято делиться, поэтому Раде пришлось позаимствовать книгу втихаря.

С громким скрипом дверь избушки открылась, и Рада подняла голову на звук.

— Эх, опять не спится тебе, — заворчала бабушка Яга, выходя на крыльцо. Кряхтя, она вытянула морщинистые руки вверх и всем телом потянулась к небу, разминая затекшие мышцы. — Сдались тебе эти писульки. Все равно Елена себе замену уж подыскала. Не сделает она тебя Светлейшей, чего ж ты уперлась-то рогами?

Рада отложила перо в сторону и пронзила бабушку тяжелым взглядом разноцветных глаз. Проснувшийся ветерок потрепал подол ее видавшей виды ночной сорочки, и, поёжившись, Яга плотнее закуталась в белую шаль. Это Рада для нее связала в подарок прошлой зимой. С тех пор Яга почти никогда не снимала ее: то подвяжет на пояс, то голову покроет, то на спину накинет. А все потому, что Раде удалось заморозить эту шаль: она снимала боль с тех мест, которые согревала своим теплом. Из-за преклонного возраста у бабушки Яги ныли кости, поэтому с чудесной шалью она была неразлучна.

— Я стану Светлейшей несмотря ни на что, — упрямо повторила Рада то, что говорила всегда и всем. Даже своему отражению в зеркале. — И заставлю каждого перед тобой покаяться.

— Да сдались мне их покаяния? — хмыкнула Яга. Не теряя времени даром, она принялась проверять, хорошо ли просохли привязанные к козырьку крыши недавно собранные травы. — Богаче от них не стану, моложе тоже. Плюнуть бы на всех три раза, да дело с концом... в общем, не надо ради меня спозаранку корпеть над книжками. Иди поспи до петухов.

Рада тяжело вздохнула, но снова взялась за перо. Она не понимала, почему бабушка спускает с рук светлым ведьмам Триречья все несправедливые слова, которые они не стыдятся бросать ей в лицо. Мало того, что распускают о Яге нелепые слухи, так даже под защитный круг их покосившуюся избушку не допустили. Белый защитный круг – это линия из соли и крови светлых ведьм Триречья, которая каждый год создается совместными усилиями жительниц этой деревни. В день летнего солнцестояния все совершеннолетние ведьмы во главе со Светлейшей обнажают свои тела, пронзают одну ладонь ритуальным ножом и окропляют кровью землю, а второй разбрасывают заговоренную соль. Следуя шаг за шагом за Светлейшей, они обходят деревню тремя кругами, защищая свои дома от злых сил. Сколько себя помнила, Рада каждый

год наблюдала за этим стройным отрядом, проходящим мимо их избушки, словно она не являлась частью Триречья. Так светлые ведьмы показывали, что не принимают их с бабушкой Ягой за своих. И, случись какая беда, никто на их зов о помощи не явится.

Причин на то было несколько. Через шепотки своих ровесниц Рада узнала, что восемнадцать лет назад Елена Премудрая, нынешняя глава деревни, Светлейшая, обнаружила на двери избушки Яги след Нави – мира смерти и темных сил, запретных для светлых ведьм. За якшанье с навийской нежитью ведьму Триречья могут серьезно наказать и даже казнить, но в то далекое время доказать, что Яга совершила преступление, не смогли. И хотя никто, кроме Елены, присутствия тьмы в доме старушки не ощутил, словам Светлейшей все равно поверили. Так избушка Яги стала для всех прокаженной, а ее хозяева – изгоями. В детстве молодые ведьмы потешались над Радой, уверяя, что черт принес ее в лукошке да оставил на пороге Яги, пометив дверь. Рада им не верила и была обидчиц по губам за такие злые слова. Те бежали жаловаться на нее Светлейшей, и когда той надоело подтирать девчачьи сопли, она строго-настрого запретила накликать беду шутками о чертовщине.

Вторую причину Рада придумала сама. Она искренне верила, что все ведьмы в деревне просто завидовали ее бабушке, ведь она по силе превосходила всех их вместе взятых. Даже Светлейшую Елену. Рада видела, какие чудеса бабушка творит с захворавшими, как под ее песни и наговоры затягиваются самые страшные раны, как ее настойки поднимают на ноги людей на смертном одре. Ни одна ведьма Триречья не могла похвастаться тем же, а потому они решили, что Яге помогают темные силы. Признать, что они сами просто неумехи, им не позволяла гордость.

— Про что читаешь-то хоть? — Яга нависла над рукописью Авдотьи и бегло пробежала хмурым взглядом по кривым неаккуратным строчкам, написанным впопыхах. — Чепуха какая! Можешь потереться листком, на который переписала эту дурь. Чертополох срезать чем угодно? Глупости! Серебряным серпом надо. И почему считают, что он неприхотливый? Он половину силы своей теряет, если с обычным железом к нему прийти. И собирать его лучше ночью, пока сонный, а не утром. Утренний не лечит, а бодрит только.

Рада в отчаянии осмотрела ровные строчки, которые успела вывести на желтом листе бумаги, вздохнула и смяла свои труды в большой бумажный ком. Сомневаться в словах бабушки она не собиралась: обожглась уже однажды, когда пошла за маком не в тот день и не в тот час, наслушавшись советов местной травницы Илоны. Но Авдотью сама Светлейшая нахваливала, поэтому Рада и одолжила ее рукопись.

Яга еще немного полистала увесистую рукопись Авдотьи, резко захлопнула ее, выпустив в воздух облачко пыли, и фыркнула:

— Дурь, а не книга!

— Так поделись своей! — не выдержала Рада, хотя тысячу раз обещала себе не затевать этот разговор. — Почему мне нельзя почитать твою Белую книгу и перенять знания? Я, как жалкая воришка, таскаю у каждой ведьмы понемногу, хотя у тебя под кроватью, под половицей, лежит лучший источник знаний.

— А ты откуда... — прищурилась Яга и с тяжелым вздохом прикрыла глаза. — Слушай-ка, сорока, ты когда прекратишь в чужих вещах рыться? Сказала «нельзя», значит нельзя! Не хочу я, чтобы ты Светлейшей становилась. И уж точно палец о палец не ударю, чтобы ты успеха в этом добилась. Хочешь тягаться с Еленой? Твое дело! Но тогда не книжки читай, а зубы точи. У Премудрой клыки поострее твоих будут. Хитрости в ней больше, чем колдовства.

Как обычно. Все та же песня. Ни слова не изменила. Опустив голову, Рада беззвучно открывала рот, вторя речам Яги, потому что знала наизусть все то, что она скажет. Закончив ругаться, бабушка удалилась в избушку и принялась греметь плошками и горшками. Это означало, что разговор закончен. А еще то, что скоро на столе появится вкусная пшенная каша и хлеб с маслом.

Рада заботливо расправила бумажный ком. С бабушкой они жили бедно, и бумага в их доме была на вес золота. Непросохшие чернила смазались, превратив красивое изображение чертополоха в непонятную кляксу. Забрав его с собой, Рада прошла на задний двор, налила в корытце воды из колодца, аккуратно сполоснула этот лист, чтобы часть чернил смылась, а часть равномерно растеклась по листу, и выложила его сушиться. Завтра лист можно будет использовать снова. Свежей колодезной водой Рада умыла лицо, прополоскала рот настойкой из пихты для свежести. Проверила выстиранную с вечера одежду на бельевых веревках и стянула чистую льняную рубаху и пожелтевший от долгой носки сарафан, расшитый красными нитями. Цветной одежды у них с бабушкой почти не было – уж больно дорого стоила ткань, поэтому Рада воровала нитки на ярмарке в Божеграде или обменивала их на разные настойки. Особенно часто покупали отвары для мужской силы и даже щедро приплачивали, чтобы Рада не болтала о том, кто именно был покупателем. Но на ткань все равно не хватало, поэтому свои старые льняные рубашки да сарафаны она перешивала и расшивала самостоятельно.

Переодевшись, Рада вернулась в избушку. В ней была всего одна горница, в которой чудесным образом помещалась все их пожитки. В одном углу устроилась большая белая печь, над которой на полатах спала сама Рада. В другом углу у окошка стояла разобранная постель бабушки: ночью ей становилось душно, поэтому ставни на окошке закрывались только зимой. Оставшееся место занимали прибитые к стенам полки да деревянные сундуки: с одеждой и обувью, с бумагой и нитками, с настойками и отварами, с мешочками трав и засушенными ягодами. А в погребке под избой прятались стройные ряды с соленьями, вареньями и овощами, запасенными еще с прошлого года.

Рада покопалась в ларце, выудила оттуда гребень и уселась на бабушкину постель. Расчесать свои волосы – это самое сложное и ненавистное, что ей приходилось делать по утрам. Черные волосы были густыми и вились крупными локонами, но оттого и сложнее было с ними управляться. В Триречье всем девицам надлежало носить косу до пояса, но Рада с удовольствием бы наплевала на все обычаи и оставляла волосы распущенными. К сожалению, тогда бы ее не допустили до уроков Светлейшей. А их Рада не пропускала ни при каких обстоятельствах, даже несмотря на сильную хворь.

— Обиделась? — заворчала опять Яга, доставая из печи горшочек с ароматной кашей.
— Ладно тебе хмуриться. Отдам я тебе книжку свою, отдам. Если пройдешь Светлый обряд – отдам.

Рада так и замерла, держа застрявший среди кудрей гребень. Уж не померещилось ли? Бабушка и правда согласилась поделиться своими знаниями? Рада ни минуты не сомневалась в том, что пройдет этот Светлый обряд. Она готовилась к этому моменту все восемнадцать лет своей жизни: усердно училась, денно и ночью практиковалась в разных видах колдовства, собирала травы и изучала их полезные и вредные свойства, оказывала помощь больным вместе с бабушкой, и даже открыла в себе талант к созданию зачарованной одежды. Обезболивающая шаль была ее первой удачной попыткой. Раньше Раде колдовство почти не давалось: ведьмы Триречья до сих пор подшучивали над ней за ее бездарность, грозились выставить вон из деревни, отправив доживать свои дни в людские селенья. Сквозь кровь, пот и слезы она добилась того, чтобы сила в ней окрепла, но, добытую такой большой ценой, она оберегала ее как зеницу ока.

Болтая с бабушкой про хлопоты сегодняшнего дня, Рада опустошила миску каши с хлебом, выпила чашку бодрящего чая из шиповника, наспех заплегла неряшливую косу и побежала в дом Авдотьи, чтобы подбросить ее рукопись назад. Скоро женщины повалят из своих домов кормить скотину и набирать воду из колодцев, поэтому надо было спешить.

По громкому храпу, доносящемуся из открытого оконца, Рада догадалась, что Авдотья еще спит. Тихо, как мышка, она прокралась под окно, встала на цыпочки и оставила книгу на подоконнике, прикрыв занавеской. Вдруг сверху вниз на нее уставились два желтых глаза в

окружении пушистой рыжей шерсти. От испуга Рада отшатнулась, споткнулась о подол сарафана и со всего размаху шлепнулась на землю, а кот Авдотьи, проследив за ней равнодушным взглядом, лишь протяжно мяукнул. Храп резко оборвался, Авдотья закашлялась, и Рада тут же бросилась наутек, пока ее не поймали за руку, как бестолковую воришку.

Бежать по улице показалось ей не лучшей идеей, поэтому она свернула в пролесок к хорошо знакомым тропкам, пробежала еще немного, но вскоре выдохлась и прислонилась спиной к дереву. Дыхание сбилось, легкие воспылали огнем, а ртом она жадно глотала холодный воздух. Сев на землю, Рада оперлась головой о кору дерева и закрыла глаза, приходя в себя после стремительной пробежки.

— Этого хватит? — услышала она бархатистый голос Светлейшей и тут же зажала свой рот рукой, чтобы учащенное дыхание не выдало ее присутствия.

— Маловато будет, — ответил ей незнакомый мужской голос. Рада мгновенно напряглась: в Триречье не живут мужчины, и ей с детства внушали, что даже их короткий приезд ничем хорошим не заканчивается. Так с кем в столь ранний час решила встретиться Светлейшая в укромном месте в лесу?

— Вторую половину получишь, когда дело сделаешь.

— Можно ли ведьме Триречья верить?

— Сам решай. Не хочешь – найду другого. Дело нехитрое, всякий удалец справится.

Зазвенели монеты. Мужчина сказал что-то еще, но тихо, неразборчиво. Зашуршала трава, и Рада побелела от страха. Кажется, он направился к ней! Она вскочила на ноги и рванула вглубь леса, пригибаясь как можно ниже. Хорошо, что в лесу еще темно. Сумку с настойками и травами, которую она по привычке взяла с собой, Рада предусмотрительно прижала к груди, чтобы звон глиняных баночек не выдал ее.

Когда за ее спиной сомкнулся не один десяток рядов деревьев, Рада перешла на шаг, но не повернула обратно. Мало ли где там этот мужчина ходит. Золотом платят за какую-то работу. Он, конечно, мог вызваться нарубить для Светлейшей дров, но с таким же успехом мог оказаться разбойником. Раде не хотелось нарваться на беду, особенно когда ее точно можно избежать. Она прошла еще немного, затем еще, и...

Раздался громкий лязг металла. Ее нога вспыхнула огнем.

Рада рухнула на землю, истошно завопив от боли. Перекатившись на спину, она подтянула к себе подол сарафана, открывая ноги, и закричала еще громче, теперь уже от страха. На ее щиколотке сомкнулись челюсти железного капкана. Рада вцепилась в него руками, пытаясь ослабить хватку, но ничего не вышло. Кровь ручьем потекла на землю, омыв и капкан, и ее собственные ладони, а неистовые вспышки боли мешали мыслить ясно. В панике она заметалась по земле, даже попыталась встать, но поблизости не оказалось дерева, за которое можно было ухватиться. Ее окружали только заросли волчьей ягоды.

Хрустнула ветка дерева. Рада замерла, с трудом заставив себя оборвать крик и плач. Голова мгновенно прояснилась: если здесь лежит капкан, значит охотники оставили его зная, что тут есть добыча. Капкан большой, не для зайца или лисы. А значит...

Лесную тишину разбило на тысячу осколков злобное рычание. Хрустя дрызгом и сухими листьями, сквозь заросли кустарника к Раде медленно направлялся серый волк. Его оскаленная пасть выставляла на всеобщее обозрение острые клыки и вязкую слюну, капающую на землю. Страх парализовал Раду: она не могла ни вскрикнуть, ни пошевелиться. Весь окружающий ее мир сузился до размеров этого волка, лениво шагающего в ее сторону. Наверняка сейчас зверь злорадствовал, ведь сегодня полакомится той, кто уберегла его от капкана охотников.

Рада не знала, что делать. В ужасе она схватила валяющуюся поблизости палку, замахнулась ей, не желая сдаваться волку без боя, но вдруг услышала короткий свист. Волк насторожился, пошевелив ушами, и замер, оглядываясь по сторонам. Через мгновение позади волка чья-то рука раздвинула кусты волчьей ягоды, и на свет вышел светловолосый юноша с вер-

тикальным шрамом, пересекающим правый глаз, одетый в кожан, отороченный медвежьим мехом. Завидев его, волк радостно завилял хвостом, подошел к хозяину и ласково потерся головой о его колено.

Обрадоваться своему спасению Рада не могла. Она знала, кто перед ней стоит, и опасаться его следовало сильнее, чем зверя, потому что юноша был одним из волхвов. А волхвы всегда презирали светлых ведьм Триречья. От испуга забыв о боли в ноге, Рада сильнее перехватила палку и угрожающе ей замахнулась.

— Не подходи! — процедила она сквозь зубы, надеясь, что сердитый взгляд ее разноцветных глаз сможет напугать этого юношу. — Не то заворожу так, что век в этом лесу плутать будешь!

— Как же тогда тебе помочь? — Волхв почесал волка за ухом и взглянул на ногу Рады, чуть склонив голову. — Этот капкан предназначался не тебе. Опустит палку, и я тебя освобожу.

Рада украдкой взглянула на свою ногу. Если сейчас же не остановить кровь, то, вероятно, она может остаться калекой на всю жизнь. А ей этого ужасно не хотелось, особенно потому, что завтра Светлый обряд, на котором она должна показать себя во всей красе, чтобы стать преемницей Светлейшей.

Она отбросила палку в сторону.

Волхв сразу же опустился перед ней на одно колено, потянул за рычажок и с легкостью раскрыл железные клешни. Рада вскрикнула, но заплакать перед посторонним себе не позволила. Юноша попытался прикоснуться к ее ступне, но она отпихнула его здоровой ногой и отползла подальше, собирая подолом сарафана колючки и иголки. Волк угрожающе зарычал, но волхв придержал его рукой, не давая броситься на нее. Рада же высыпала содержимое своей сумки в подол, быстро нашла необходимый настой из подорожника, вылила его на раны, обхватила лодыжку обеими ладонями и закрыла глаза. Целебный наговор, заученный до такой степени, что она могла повторить его даже во сне, полился медовой песней из ее уст. Под ладонями появилась привычная прохлада. Почти у всех ведьм Триречья колдовство было теплым, а у нее — холодным, но она никому про это не говорила, чтобы не плодить бессмысленные слухи. Кровь медленно потекла обратно в ногу, как будто время обратилось вспять, и через несколько долгих минут ее лодыжка была как новая.

Волхв, прищурившись, наблюдал за ее колдовством, а когда Рада убрала руки, восхищенно присвистнул.

— Даже моя мать так не умеет!

Рада поспешно прикрыла ноги подолом сарафана, собрала разбросанные склянки обратно в сумку и поднялась на ноги.

— Так и уйдешь? — Волхв схватил ее за локоть, останавливая от молчаливого побега. — Даже не поблаговаришь за спасение?

Рада обернулась, вместо благодарности со всех сил стукнув его по плечу своей тяжелой сумкой. Волхв ойкнул, прикрывшись локтем, но зато отпустил ее.

— Благодарить тебя не за что, — холодно бросила Рада. — Охотиться в этом лесу нельзя. Эти земли принадлежат Триречью. Так что уходи подобру-поздорову, пока я не нажаловалась на тебя Светлейшей.

— Граница Триречья закончилась во-о-он там.

Волхв по-мальчишечьи озорно ухмыльнулся и указал пальцем за спину Рады. При этом шрам его уродливо сморщился. Ведьма обернулась, увидела повязанные на деревьях белые ленточки, отмечающие границу ее деревни, и едва удержалась от разочарованного вздоха. Как же она не заметила, что зашла так далеко?

— А эти земли уже относятся к Перуновым Топям, поэтому здесь мы имеем право делать, что хотим, — юноша развел руками в стороны, как бы желая обхватить ими все свои владения.

— Так что советую все же поблагодарить меня за спасение, пока я не схватил тебя и не увел к Старейшине Волхвов, как нарушительницу границ.

Рада побледнела от страха. Он прав. Нарушать границы Перуновых Топей строго-настрого запрещено. Каждая ведьма в деревне об этом знает. Как же она могла так сглушить и не заметить белые ленты? Придется как-то выкручиваться.

На губах Рады заиграла сияющая улыбка. Она озаряла ее лицо очень редко и считалась скорее инструментом выживания, чем обыденностью. Так она улыбалась на ярмарках торговцам, поймавшим ее за руку на краже, в надежде усыпить их бдительность и сбежать, пока не позвали стражников. Взяв сумку обеими руками, девушка смущенно потупила взгляд и поковырялась в опавшей листве носком соломенного лаптя.

— Ты прав, я вела себя грубо, — изменившимся тонким голоском признала она, искоса поглядывая на выражение лица волхва. — Благодарю тебя за помощь. Прости, что нарушила ваши границы. Я испугалась совы и побежала, не разбирая дороги. Вот, возьми в знак благодарности.

Рада выудила из сумки маленький мешочек с засушенной ромашкой.

— Передай матери, — посоветовала она в ответ на вопросительный взгляд юноши. — Она сварит из этого вкусный чай, который любую хворь прогонит. А сейчас мне надо идти, дел много.

— Подожди, а зовут тебя как?

Рада на одно короткое мгновение задумалась, сказать ли правду, но все же решила солгать и выпалила первое имя, пришедшее на ее язык:

— Лада.

— А меня Веян. Надеюсь, свидимся еще!

«Надеюсь, что нет» — подумала Рада, но в ответ только шире улыбнулась и рванула со всех ног обратно в деревню. Волк за ее спиной зарычал, но под уговоры Веяна успокоился, и вскоре их голоса стихли.

Глава 2. Четыре угла

— Ты где гуляешь? — возмутилась Лада, подзывая Раду к себе. Она по обыкновению заняла для подруги место рядом с собой, и Рада устало опустилась на траву. — Чуть не опоздала. Матушка бы отругала тебя.

Лада была старше Рады на два года, и внешне они отличались друг от друга, как небо и земля. По сравнению с излучающей теплоту и свет Ладой, Рада казалась грозовой тучей на лазурном небосклоне. Гладкие золотистые волосы подруги всегда послушно собирались в две толстые косы, покоившиеся на плечах, а янтарные глаза смотрели на всех с мягкостью и кротостью, Раде незнакомой. На плечи Лады, дочь Елены Премудрой, Светлейшей Триречья, была возложена обязанность объединять всех молодых ведьм и быть их предводительницей в те мгновения, когда сама Светлейшая не могла за ними приглядывать. Может, именно из чувства долга Лада дружила с Радой в то время, когда все остальные сторонились ее из-за родства с Ягой, а может она и правда была искренней в своем желании сблизиться с ней — истинную причину Рада не знала и знать не хотела. Главным для нее всегда оставалось то, что на Ладу она могла положиться в любое время.

Рассказывать про встречу матери Лады с каким-то чужаком-мужчиной Рада не стала. Ничего примечательного она не услышала. Может, Елена Премудрая и правда наняла дровосека. Женщинам Триречья без мужской силы жилось несладко — тяжелую работу приходилось делать самим. Изредка с разрешения Светлейшей из ближайших деревень приглашали мужчин починить избу, нарубить дрова или вспахать огород. За услуги щедро вознаграждали, кто чем был богат: настойками, травами, украшениями ручной работы или обещанием исцелить кого-то из близких задаром в час нужды. Помочь ведьме Триречья было незачем — наоборот, многие сами напрашивались поработать. Особенно те, кому нечем было платить деревенским лекарям и травникам. Волхвы эту торговлю колдовством ведьмам всегда в упрек ставили — мол, дар свой не бескорыстно используют, а как продажные девки. Но ведьмы Триречья только отмахивались от ворчания стариков, живших припеваючи за счет своих молодых сыновей, и продолжали делать по-своему.

— В лесу случайно заплутала, — солгала Рада, вынимая из подола сарафана колючки и прилипшие листочки. — Задумалась крепко и чуть границу не переступила.

— Ворониха да заплутала? — удивилась Маринка, сидящая перед Радой и все это время подслушивавшая разговор. — Ты же с лучшим якшаешься, Радка. Точно не заблудишься с таким дружком под боком.

Сдерживая свой норов изо всех сил, Рада стиснула зубы.

Обсуждать что-то, сидя в кругу из шестнадцати молодых девиц, никогда не было хорошей затеей, поэтому Рада осторожно выбирала слова и про молодого волхва не заикнулась. Юные ведьмы щебетали, весело переговариваясь друг с другом. Все, как одна, светловолосые: от золотых кос, как у Лады, до медово-каштановых, как у Маринки. В этом ярком хороводе Рада всегда чувствовала себя чужой из-за своей черной косы и разноцветных глаз. Потому и прозвали ее девчонки Воронихой. Не раз она слышала, как они хихикали за ее спиной, обсуждая диковинную для Триречья внешность. А черный глаз пугал ведьм особенно — уж больно пустым он им казался да страшным, как омут. Если с Радой разговаривали, часто смотрели именно в небесно-голубой глаз, избегая черного. Рада улыбалась редко, смотрела на других косо и с недоверием, а потому остальным юным ведьмам она совсем не нравилась. Если бы не заступничество Лады, они бы давным-давно сплотились против нее и придумали, как прогнать из учениц Светлейшей. И даже из Триречья. Из-за злобы их Рада втройне усерднее училась и день за днем силу свою увеличивала, чтобы никто не сомневался в ее праве быть светлой ведьмой Триречья.

— А ты своими глазами видала Раду с лешим, Маринка? — осадил колдунью Лада, чуть нахмутив золотые бровки. — Ах, не видала? Так не чеши языком.

— Не то в кровь его о зубы сотрешь, — добавила Рада с кривой усмешкой, и Маринка поспешно отвернулась.

Была и своя польза в том, что все считали, будто она с темными силами знает. Когда Рада говорила угрожающим голосом, девчонки ни на миг в ее словах не сомневались и сразу же оставляли в покое. Только Лада знала, что Рада зла не причинит, вот и не боялась ее.

Из своей богатой бревенчатой избы, больше похожей на княжеский терем, вышла на задний двор Елена Премудрая. Высокая и стройная, она до сих пор оставалась писанной красавицей несмотря на то, что в прошлом году ей минуло сорок лет. Золотые косы составляли на голове сложную прическу, украшенную нарядным красным кокошником. Ее темно-красное платье было расшито золотыми нитями, на ушах сверкали рубиновые сережки, а на пальцах — крупные перстни.

— Доброе утро, пташки мои, — улыбнулась Елена, спускаясь по крыльцу на лужайку, где на земле сидели ведьмы, — рада всех вас видеть в добром здравии.

Ведьмы вскочили со своих мест и вежливо поклонились наставнице, приветствуя ее. Разговоры тут же прекратились. Рада бросила косой взгляд на Ладу: та напряглась, вытянулась по струнке, и ее красивое лицо превратилось в белую глиняную маску. Мать она боялась пуще смерти. И хотя Елена никогда не ругала ее при посторонних, Рада знала, сколько жестокости пряталось за закрытыми дверями дома Светлейшей. По привычке она ободрающе сжала заледевшие пальцы Лады. Подруга в ответ выдавила из себя благодарную улыбку.

— Дайте-ка пересчитаю вас. — Елена пробежалась по толпе зорким взглядом серых глаз и удовлетворенно кивнула. — Все на месте. Можем начинать.

Все шестнадцать девушек, как по команде, встали в широкий хоровод. У каждой было свое определенное место. Светлейшая вышла на середину круга и заложила руки за спину.

— Начну с короткой речи, — негромко начала Елена, и девушки притихли, прислушиваясь. Наставница всегда говорила тихо, иногда вынуждая читать по губам. — Завтра в полдень мы начнем Светлый обряд. Соберутся все ведьмы Триречья, многие изъявили свое желание поучаствовать в состязании. Некоторые из вас тоже подходили ко мне с просьбой допустить их. Имена тех, кому я разрешаю состязаться с другими, назову после нашего занятия. Тех, кто успешно пройдет все испытания Светлого обряда, примут в ряды Благословенных Сестер Триречья.

Рада перестала дышать, сердце затрепетало от слов наставницы. Благословенные Сестры Триречья — это самые сильные ведьмы Триречья, победительницы ежегодных Светлых обрядов. Когда Светлейшая примет решение оставить свой пост, она будет выбирать преемницу именно из Сестер, а Благословенные Матери должны поддержать или отклонить ее выбор. Своей преемнице Светлейшая передаст свою силу и Белую книгу со всеми накопленными знаниями. К тому же Сестры получают право стать наставницами для молодых ведьм и даже взять на воспитание девочек за пределами Триречья, если в них проснется зов колдовства, и родители побоятся оставить их в своей семье. Дочерей, от которых отреклись родные, в Триречье пруд пруди: светлое колдовство только в умелых руках пользу приносит, а если не управлять им, то оно запросто в темное превратится. Тогда напасти придут в деревни, где будет жить такая ведьма, и ее погонят поганой метлой или забьют камнями. Ни один родитель такого позора испытать не захочет, вот и отдает простой люд своих дочерей в Триречье на воспитание. По доброй воле.

— Мне важно, чтобы победительницами оказались сильнейшие ведьмы, поэтому испытания я подготовила совместно с Благословенными Матерями, — продолжает Светлейшая. — Они будут гораздо сложнее чем те, что проходила я сама двадцать лет назад. Ежели сомневаетесь в своих силах — лучше отступите сейчас.

Взгляд Елены по очереди скользил по каждой ученице и на последних словах задержался на Раде. Та сжала кулаки, спрятав их в складках сарафана. Наставница изо дня в день твердила ей, что лучше отказаться от участия в Светлом обряде. Каждый раз причины были разными: то Рада слишком молода, то чересчур упряма, то недостаточно мудра, то слишком груба. Но ни разу не прозвучало, что ей не хватит сил, и это заставляло слабый огонек надежды разгораться в бушующий пожар в ее сердце. Рада не собиралась сдаваться только потому, что все вокруг советовали ей это сделать.

— Сегодня наш с вами последний урок, — с тоской проговорила Елена, слабо улыбнувшись. — Я помню вас совсем малютками. Вы росли на моих глазах, как маленькие пташки, учились со мной летать. Сегодня я преподам вам последний урок и выпущу из гнезда. Дальше вам самим предстоит постигать сложный путь колдовства, учиться слышать природу и наших богов, бороться с Навью и стремиться в Правь. Крылья, что понесут вас навстречу взрослой жизни, я вам уже дала. Теперь вам решать, к каким вершинам устремиться.

Девочки сбились в кучку поближе к наставнице, которая села на лужайку и поманила за собой учениц. Желаящие приластиться к Светлейшей отпихнули Раду с Ладой подальше, но они только этого и добивались: попадаться на глаза Елены им не хотелось, а издалека и так слышно ее рассказы. Урок сегодня был словесным: колдовать, судя по всему, Елена не собиралась. Ожидая, пока все рассядутся, Рада развлекала себя тем, что выдирала травинки из земли.

— Наверняка всем вам интересно, почему в Триречье не живут мужчины, — бархатный голос Елены стал ниже, и Рада подняла голову, привлеченная таким интригующим началом. — Что ж, многие задаются этим вопросом. Особенно простые люди, посторонние. Но ответ, как всегда, даровали нам боги. Как вы знаете, Беловодье не ограничивается только лишь людским миром, Явью, в котором мы живем. Есть еще два мира, скрытых от смертных глаз. Навь – нижний мир смерти, его владения простираются под землей. Никто из ныне живущих не знает, что из себя представляет этот мир, ведь тот, кто ступит туда однажды, никогда уже не вернется таким, каким был при жизни. Зато от предков наших из рода сварожичей мы точно знаем, что Правь – мир богов, высший мир, находится в небесах ровно над нами и повторяет очертания Беловодья. В Прави на земле Триречья располагаются владения Мокоши – нашей благодетельницы, богини судьбы и Всеведущей Матери. Именно там в кольце из трех рек она прядет нити судьбы каждого человека в Яви. Ее женская сила столь необъятна в тех владениях, что спускается наш мир и пропитывает благодатью эту благословенную землю. Поэтому мужчины, желавшие поселиться здесь, неминуемо заболели или сбегали, преследуемые тревогой и страхами. Только светлые ведьмы, для кого сила Мокоши – целебный источник, процветают на этих землях. Такие, как я. Такие, как вы. И поэтому всем молодым ведьмам следует остерегаться мужчин.

Бабушка уже поведала Раде о том, что сейчас собиралась рассказывать Елена Премудрая, но ей хотелось послушать, совпадут ли объяснения Светлейшей и Яги. Елена тщательно подбирала слова, чтобы не задевать чувства своих пташек, а бабушка вывалила на Раду всю горькую правду, ничуть не церемонясь.

— Непорочность молодой ведьмы – это то, что следует оберегать очень-очень долго, если не хотите потерять большую часть своих сил, — продолжила Елена невозмутимо, хотя любовь мужчины и женщины в Триречье было не принято так свободно обсуждать. Щеки невинных девиц совсем покраснели от смущения. — Познав мужчину, ваша сила расколется пополам. Кто-то готов пожертвовать этим ради своей любви, но те, кто желает добиться высот в колдовстве, не должны так легкомысленно относиться к своей невинности. Вторая часть силы либо перейдет мужчине, сделав его крепче, ловчее и здоровее, либо перейдет к дитя, что будет зачат в первую проведенную с мужчиной ночь. К сожалению, все знают, какую выгоду приносит ночь, проведенная с девственно-чистой ведьмой, поэтому и охотников за нашей силой хватает.

Мы ведем столь уединенную жизнь в Триречье, чтобы защитить себя от чужаков. И обеспечить эту защиту – главная обязанность, возложенная на Светлейшую.

— Тогда почему вы сами отдаете наших ведьм в жены волхвам? — не выдержала Рада, перебив наставницу. Этот вопрос как-то сам возник в голове после встречи с молодым волхвом в лесу. Он сказал, что «даже его мать так не умеет», а значит, кое-что она все же умеет, потому что является ведьмой. У волхвов колдовские силы только сыновьям передаются.

— Рада, прежде чем спросить, нужно поднять руку. — Елена пригвоздила Раду к земле строгим взглядом. — Но я все же отвечу на твой вопрос. Невесты для волхвов – это дань, что мы платим за свою безопасность и беззаботную жизнь. Раз в год среди молодых волхвов проводится Испытание Доблести, и лучший из лучших в награду получает в жены девуцу из Триречья. Взамен леса на нашей земле охраняются силами волхвов, они же не дают диким зверям нападать на нас. Мы не можем сражаться мечом, поэтому цена за спокойный сон наших пташек – одна невеста в год. В Перуновых Топях ведьма Триречья почитается подобно княжне, и никого я никогда не отправляю против воли.

— Я вот не прочь стать княжной, — шепнула сидящая перед Радой Маринка своей подружке. — Говорят, молоденький внук Старейшины очень хорош собой.

Хмурясь, Рада поджала губы. Какие же глупости! Она видела, как в прошлом году ведьма по имени Милона с горячими слезами уезжала из деревни, никак не желая покидать родной дом, где оставались ее младшие сестры. Это не было похоже на то, чтобы ее отдавали по доброй воле. Просто мерзкий старик-волхв в шкурах указал пальцем именно на нее.

Но говорить об этом дальше Рада не хотела. Сейчас наставница вот-вот должна была назвать имена тех, кого она допускает до Светлого обряда, и нарываться на неприятности ей было ни к чему. В любой другой день она бы ввязалась в спор, но не сегодня. Своя шкура дороже.

— Что ж, пташки мои, настало время. — Елена хлопнула в ладоши, вставая на ноги. Она неспеша поднялась по крыльцам терема, чтобы видеть всех своих учениц, выстроившихся в ряд. — Как я уже говорила, я выбрала тех, кому даю дозволение поучаствовать в Светлом обряде. Я верю, что у вас все получится. Тех, кого назову, прошу выйти вперед.

Лада сжала вспотевшую ладонь Рады, и та невольно вцепилась в руку подружки, как в спасательную соломинку. Лада знала, как сильно Раде хотелось проверить свое мастерство в этих испытаниях, как много она училась и колдовала ради этого момента. Всё, чтобы ведьмы Триречья признали ее, склонили головы, из которых всегда льется лишь презрение и насмешки. Чтобы попросили прощения у ее бабушки за годы ненависти и несправедливых подозрений.

— Марина, — улыбнулась Светлейшая, жестом приглашая девушку выйти вперед. — Агния. Лада.

Елена замолчала, с радостью наблюдая за дочерью. Рука Лады выскользнула из ладони Рады. Кровь мгновенно отлила от ее хорошенького личика. Ладу все же выбрали, как бы сильно мать ни ругала ее за плохую учебу и слабое колдовство. Ладонь Рады превратилась в холодный дрожащий кулак. Она плотно стиснула зубы, пытаясь сохранить на лице невозмутимость. Ей не хотелось, чтобы все думали, будто она одержима этим обрядом. Хотя на самом деле именно так и было.

Похоже больше имен не будет. Елена Премудрая выглядела так, словно тройка молодых девиц, стоящих перед ней, это наилучший выбор. Три из шестнадцати – это уже много, ведь соревноваться придется с ведьмами гораздо старше и опытнее их. Рада судорожно перескакивала взглядом с макушки Марины на рыжую макушку Агнии, а затем на золотоволосую Ладу и так по кругу.

Это все.

Неужели это все?!

— У любой крепкой избы четыре угла, — вдруг произнесла Светлейшая с лукавой улыбкой. — Рада. Ты последняя. Мои сильнейшие пташки, надеюсь, вы меня не разочаруете. Я ожидаю честной борьбы.

Облегчение волной прокатилось по телу так, что у Рады подкосились ноги. Кулак размяк, на вспотевших ладонях атели оставленные ногтями дуги. Только сейчас она поняла, как сильно волновалась. Риск, что ее имя не назовут, был слишком велик. Хоть наставница и хвалила ее колдовство, характером они не сходились. Почему-то несмотря на все вежливые улыбки и сияющие взгляды Светлейшей, Рада чувствовала, что не нравится Елене. И со временем это стало взаимным.

Когда Рада встала рядом с Ладой, она осознала, что до завтрашнего дня можно расслабиться. Она была готова к испытаниям. Она потратила на это всю сознательную жизнь. У нее была цель и стойкое желание победить.

Ничто не могло ей помешать.

Глава 3. Мокошева ночь

Провести Мокошеву ночь в теплой постели было очень заманчиво, и Рада собиралась как следует отоспаться перед завтрашним тяжелым днем, где ее ждут страшные испытания, но Лада убедила ее пойти к реке и отдать дань традициям. Подруга так долго канючила, что в итоге Рада сдалась. Вечером она сообщила бабушке, что собирается пойти к речке Морошке пустить венок по воде, но Яга вдруг уперла руки в бока:

— Не пуцу. Предчувствие плохое. Побудь-ка дома.

Рада всякими уговорами пыталась выпросить дозволение, но бабушка оказалась непреклонна. И причину весомую не объяснила – предчувствие, и все тут. Но запрет только больше распял внутри Рады желание ускользнуть. Она послушно забралась на печь, спряталась за занавеской и принялась молиться Мокоши, чтобы судьба послала ей знак. Если сейчас бабушку что-то отвлечет, то она обязательно пойдет к реке. А если нет... значит, она ляжет спать, как изначально и задумывала.

Но Мокошь пришла ей на помощь. В дверь тихо постучали. Один стук, три коротких, и еще один, после паузы. Рада нахмурилась. Какая деревенская дура вздумала Яге такие глупые сигналы подавать? В Триречье двери даже на ночь не запирают. Но старушка, заглянув за печную занавеску и убедившись, что Рада спит, тут же набросила поверх ночной сорочки изготовленную Радой шаль и поспешила на улицу, плотно затворив за собой дверь. Рада свесилась с печи, прислушиваясь к разговорам, но пришедший гость говорил очень тихо, а бабушка и вовсе молчала.

Такую удачу Рада не собиралась упускать.

Бесшумно она соскочила с печи, оставив занавеску задернутой, чтобы не вызывать подозрений. Прижала к груди сарафан и выдавшие виды лапти, вскарабкалась на подоконник и прыгнула в прохладную траву. На заднем дворе Рада быстро переделась, спрятав сорочку под лавку, на цыпочках прокралась вдоль боковой стены и осторожно выглянула за угол. Высокий незнакомец в черном плаще с глубоким капюшоном тихо разговаривал с Ягой около крыльца. Слов разобрать Рада не могла, но бабушка улыбалась, а значит встрече с незванным гостем была очень рада. Бабушка едва ли дотягивалась макушкой до его плеч и на прощание обняла его, прислонив седую голову к груди. Незнакомец крепко обнял ее в ответ, сомкнув спрятанные в длинных рукавах руки на ее спине, и чуть повернул голову влево. По спине Рады побежал холодок: незнакомец уставился на нее светло-серыми, будто слепыми, глазами и сердито сдвинул черные брови.

Она рванула со всех ног в лес до того, как он расскажет бабушке, что увидел ее внуку за углом. Все время, что она петляла между деревьями и кустами, ей казалось, будто ее кто-то преследует. Словно сам пронизывающий до костей взгляд незнакомца скользит по ее следам, заставляя все быстрее переставлять ноги. Запахавшись, Рада выскочила из леса и уже пешком, сгибаясь от колющей боли в боку, пошла вниз с пригорка по изогнутой глинистой тропинке. Вскоре запахло ночной сыростью реки. Рада целиком заполнила легкие прохладным воздухом, наслаждаясь этим родным запахом, дарующим спокойствие и чувство безопасности. Почему-то она обожала реки и озера, хотя всю свою жизнь прожила в лесу, а сорную траву, растущую вдоль берегов, любила больше, чем полевые цветы, и в особенности восхищалась озерными кувшинками.

На берегу весело смеялись девушки в льняных рубахах. Их красивые сарафаны и лапти лежали неподалеку неровными островками. Распушенные волосы молодых ведьм волнистыми нитями рассыпались по плечам и спине, почти достигая пят. Самая прелестная из них обернулась, заслышав чавканье глины под ногами Рады, и приветливо помахала рукой, подзывая ее к себе.

— Я уж думала, ты не придешь! — воскликнула Лада, подцепив сарафан Рады за подол, едва подруга приблизилась к ней. В мгновение ока Рада осталась в одной рубашке, как и остальные ведьмы Триречья. К наготы в Триречье относились иначе, нежели в других землях Беловодья: здесь красота обнаженного тела считалась достоинством, чем незасорно и похвастать перед другими. Чем тоньше талия да золотистее кожа – тем больше одобрения это вызывало у сородичей. Молодые девицы не стыдились своих тел, нередко купались нагишом, а в жаркую пору ходили в одних рубашках, подставляя солнцу длинные нежные ножки. Да и кого смущаться, если мужчин нет? Но Рада выставлять свое тело напоказ не любила: во-первых, потому, что ее кожа была не золотой, а белой, как мука. Стоило солнцу погреть чуть сильнее, как щеки тут же сгорали до алого румянца, вынуждая прятаться от жарких лучей. А во-вторых, стоило ей раздеться, как ее разительное внешнее отличие от остальных ведьм сильнее бросалось в глаза, поэтому ведьмы прожигали ее любопытными взглядами и кривились, не понимая, как могла такая жуткая ворона забрести в гнездо изящных лебедей.

— Я не подготовила венки, — призналась Рада, заметив в руках остальных девушек красивые переплетения трав и цветов.

— Ничего страшного, — улыбнулась Лада, бросая сарафан подруги в общую кучу. — Нам с тобой они не нужны. Мы же не на любовь гадаем. Это старшие девушки попытаться удачу хотят. Те, кто собираются из Триречья рано или поздно уехать, создать семью. Для нас с тобой я кое-что другое припасла.

Лада опустила на корточки рядом со своей одеждой, покопалась в сумке и выудила оттуда две ладьи, аккуратно сложенные из толстой, столь редкой в этих краях, бумаги. Вдоль бортиков тянулись ровные строчки заклинаний, и Рада, поднеся их поближе к глазам, разглядела слова из заклятия удачи.

— Давай пустим их по реке? — предложила Лада с сияющими от воодушевления янтарными глазами. — В Мокошеву ночь в воде особая сила таится, любое колдовство сильнее становится. Коль доплывут ладьи к луне, завтра нам точно повезет на Светлом обряде. Попробуем?

Раде идея пришла по душе. Все восемь девушек, собравшихся на берегу, встали в один круг лицом друг к другу, вытянули вперед руки с лежащими в ладонях венками и ладьями и запели тихую молитву Мокоши, прося свою покровительницу о просветлении и счастливой судьбе. Закрыв глаза, Рада мыслями погружалась в эту чарующую мелодию, эхо которой отражалось от водной глади и, казалось, заполняло все пространство вокруг. Слияние чистых высоких голосов молодых девиц и журчание буйной реки Морошки, погруженные в глинистую почву босые ноги и расползающийся по ступням холодок делали Раду частью природы – такой же естественной, как звезды на небе, как лунная дорога на поверхности воды. Это чувство переполнило ее сердце, на лице, наконец, появилась блаженная улыбка. Все тревоги разом покинули ее. Как хорошо, что она все же пришла сюда в эту особенную ночь!

Продолжая петь, девушки гуськом направились в холодную воду. У берегов Морошка была неглубокой, можно было войти в реку до пояса и все еще чувствовать песок под ногами, но дальше земля резко обрывалась, а течение с силой толкало в спину, лишая контроля над телом. Ведьмы, в чьи венки были вплетены крохотные свечи, взмахнули ладонями над фитилями, и те в мгновение ока загорелись, рассеяв темноту речной воды. Венки опустились на поверхность, и течение подхватило их так же легко, как ветер – перышки. Свет свечей отражался в переливах воды, и Раде показалось, будто вдаль уплывают не украшенные полевыми цветами венки, а яркое теплое солнышко.

Под водой ладони Рады коснулось что-то мягкое и переплело свои пальцы с ее. Лада, чуть дрожащая то ли от нетерпения, то ли от холода, улыбнулась ей:

— Я желаю тебе победы на Светлом обряде. Я верю, что именно ты достойна стать следующей Светлейшей.

На глаза Рады вдруг навернулись слезы. Пусть Лада всегда относилась к ней с добротой, ее слова в этот тяжелый момент стали исцеляющим бальзамом, попавшим на гниющую рану. В особенности этот момент был ценен потому, что Елена Премудрая ожидает от своей дочери победы и, возможно, выгонит ее из дома, как грозилась, если та не станет первой. Но несмотря на парализующий страх перед материнским гневом, Лада все же оставалась Ладой – доброй, мягкой и верной.

Рада, повинувшись внезапному порыву, крепко прижала подругу к себе. Лада приподнялась на цыпочки и прижалась щекой к плечу Рады. Пусть слезы так и не пролились, зато на ее губах засияла радостная улыбка. Она предназначалась только Ладе, никто из ведьм Триречья не удостоивался такой чести.

— Если я и проиграю, то только тебе, — с жаром прошептала Рада на ухо подруге. — Только тебе я готова отдать победу. Я верю, что ты заставишь мать изменить предвзятое отношение к себе.

Про победу Рада слукавила. Никому из ныне живущих она не была готова отдать свою победу, ради которой пожертвовала беззаботной юностью. Ни о каком проигрыше не могло быть и речи: либо победа, либо смерть. Но если уж проигрывать, то действительно только Ладе, чтобы, наконец, увидеть восхищение во взгляде Елены, устремленном на единственную дочь, которую она все эти годы безо всяких на то причин презирала.

Лада вытерла слезы в уголках глаз, пожурила Раду за то, что та заставила ее всплакнуть, и вместе они запустили бумажные ладьи вниз по течению. Околев от холода ледяной воды, подруги поспешили обратно на берег, где старшие ведьмы уже разводили большой костер. Едва ступив на берег, Рада напоследок обернулась проверить их ладьи. Две крошечные белые точки шли бок о бок по лунной дорожке, то обгоняя друг друга, то вновь ровняясь, но вдруг один из корабликов пропал из виду, а второй продолжил путь в тоскливом одиночестве. Рада не различила, чей именно кораблик поглотила река, но все равно поежилась от дурного предчувствия и решила Ладе об этом не рассказывать.

Через несколько минут вспыхнуло яркое пламя костра, и девушки расселись вокруг него, согревая заледеневшие ноги. Почти все дрожали от холода, как осиночные листочки. Одна из старших ведьм, Аксинья, достала из сумки бутылку с коричневой жидкостью и радостно повертела ей над головой:

— Смотрите, что у меня есть! Из мамкиных запасов умыкнула. Хватится – убьет, но уж поздно будет. Налетайте!

Мать Аксиньи, Лукерья, славилась своим чудесным самогоном. После Елены Премудрой в Триречье она считалась самой богатой, потому что ее согревающий тело и душу напиток раскупали в считанные минуты, когда она приезжала с товаром на ярмарку в Божеград. Да и вне ярмарки покупатели к ней исправно заходили: мужики из соседних деревень заставляли своих жен и дочерей тащиться в Триречье, чтобы купить им бутылку-другую «Лукешкиной настоечки». Любители выпить души в ней не чаяли, и не без причины. Лукерья зачаровывала напиток так, чтобы вкус для каждого человека отличался. Любители пива, выпивая самогона, думали, что пьют пиво. Поклонники медовухи чувствовали медовый привкус, а те, кому посчастливилось единожды испробовать настоящего заморского вина, возвращались к Лукерье за самогоном, чтобы вновь вспомнить его необычный вкус. Золотые монеты текли в дом Лукерьи рекой, а потому ее дочь Аксинья всегда ходила в лучших нарядах и украшениях. Лада тоже могла бы так делать, но ее мать над своим богатством тряслась, как курица над яйцом, поэтому Ладу воспитывали в скромности. Если не сказать – в лишениях.

— Дай попробовать! Я хочу быть первой! — наперебой зашебетали ведьмы.

У всех девушек загорелись глаза. О хваленном самогоне ходили легенды, но своим его Лукерья не продавала, только обычным людям из соседних деревень да жителям столицы Беловодья.

Старшие девушки прикладывались к бутылке, передавая ее друг другу по очереди. Рада с любопытством следила за их реакцией, но каждая почему-то кривилась да плевалась, едва делала глоток.

— Ты точно самогон принесла, а не отраву? — возмутилась Гаяна, часто бывавшая не в духе и легко раздражающаяся по поводу и без. Ее и так мужеподобное, лишенное изящества лицо перекосилось еще больше. Она высунула язык наружу, будто обожгла его.

— Вы чего? — непонимающе озиралась по сторонам Аксинья. Кислые лица подружек ее испугали. — То, что на продажу послезавтра повезем, принесла. Свежее.

— Гадость! — Мила сделала смачный глоток, но тут же выплюнула содержимое на землю. — Горькое какое, и жжется еще!

— Дайте попробовать! — Аксинья выхватила из рук Милы бутылку и осторожно вылила каплю на язык. — Фу! И правда!

— Это потому, что на нас ворожба не действует, — объяснила Рада с лукавой усмешкой, когда ей надоело смотреть, как девушки мучаются от неприятного вкуса. — Не думали никогда, почему Лукерья своим не продает? Она так много напитка гонит, что давно бы уже все колдовство исчерпала, если бы каждую партию прочно зачаровывала. А так она легкую ворожбу накладывает: на обычных-то людей действует исправно, а мы с вами просто сильнее, чем ее колдовство.

— Это ты сейчас мою мать слабой обозвала? — нахмурилась Аксинья, сложив руки на груди. Ее карие глаза недобро заблестели, заставив Раду насторожиться.

— Не ее, а именно колдовство на напитке, — тут же заступилась Лада, невольно подавшись телом вперед, словно заслоняя Раду. — Конечно же, Лукерья сильна. Это все знают. Через несколько лет она присоединится к Матерям, нашим сильнейшим и старейшим ведьмам. Конечно же Рада не хотела принижать ее способности.

— Да твоя Ворониha никого не уважает! — подхватила Мила, указав на Раду пальцем. — Думает, что только ее бабка тут лучше всех. Она и твою мать ни в грош не ставит, Лада, спорит с ней постоянно, а ты ее защищаешь. Тоже мне, нашла подружку. Она даже к щедрому подарку Аксиньи не притронулась, брезгует с нами из одной бутылки пить! Чего пришла тогда, раз мы тебе противны?

Рада уже собиралась всем понятно объяснить, ради кого она пришла и почему не стоит с ней ссориться, но Лада предупреждающе вцепилась в ее запястье и умоляюще взглянула в глаза. Как всегда, она не хотела, чтобы Рада ругалась с кем-то из этих девушек. Сейчас, разглядывая каждую поочередно, Рада заметила одну закономерность: сегодня здесь собрались те старшие, завершившие обучение несколько лет назад девушки, кто подал прошение об участии в Светлом обряде. Соответственно, перед ней сидят ее завтрашние соперницы. Хорошо, что она не стала пробовать легендарный напиток несмотря на любопытство. Никому из них нельзя доверять. Мало ли какую отраву Аксинья в самогон подсыпала!

— Ладно вам, чего пристали к Воронихе? — цокнула языком Гаяна, которая под шумок вернула себе бутылку и сделала повторный глоток. — Не хочет пить – не надо. Нам больше достанется. Вкус лучше становится, если еще раз выпить. Попробуйте сами.

И все внимание собравшихся вернулось к обсуждению самогона и проверке замечания Гаяны. Сидеть с ними в одном кругу Раде больше не хотелось, поэтому она придвинулась ближе к Ладе и шепнула ей на ухо:

— Мне пора идти. Бабушка скоро хватится. Увидимся завтра.

— Тебя проводить? — предложила Лада из вежливости, но в ее глазах Рада без труда прочитала сильное желание остаться.

— Не нужно, я дорогу знаю, — твердо отказалась Рада, поднялась на ноги, обулась, перекинула на плечо сарафан и, не прощаясь, пошла вдоль реки вверх по течению. Она собиралась

войти в деревню с другой стороны по более надежному пути, а не подниматься по скользкой тропке по крутому склону.

На ходу Рада трепала свою влажную льняную рубашку за подол, надеясь, что та поскорее просохнет. Надевать поверх нее сарафан было неприятно, тем более опасаться в Триречье было некого. Ночью ни один чужак не пересечет границу Белого круга без ведома Светлейшей, а дикие звери обходят леса Триречья стороной благодаря договору с волхвами. Любуясь отражением луны в воде, Рада беззаботно шла по узкой тропке, местами с трудом продираясь через густые заросли высокой травы и камыша, как вдруг ее нога споткнулась о что-то крупное, и девушка свалилась на землю, перекатившись через свою помеху неловким кувырком.

Сначала ей показалось, что путь преградило бревно, завернутое в тряпку. Но, приподнявшись на локтях, она поняла, что никакое это не бревно. Это человек! Крупный мужчина в подпоясанной рубахе и холщовых брюках лежал на голой земле и, казалось, не дышал. Рада при падении больно ударила его ногой, а он даже не ойкнул и не открыл глаза. Либо пьян до беспамятства, либо... По рукам и спине Рады побежали неприятные мурашки: она никогда не видела мертвых так близко. Когда пожилые ведьмы Триречья умирали, к ним допускали только близких, а остальные могли проститься с покойной лишь во время обряда погребения. А сейчас вдруг мертвец разлегся на границе Триречья и ему точно не положено здесь быть. Как Светлейшая могла его пропустить? Или он приходится родственником кому-то из ведьм? На кровных родственников барьер не действует.

Рада протянула к мужчине дрожащую руку и надавила на шею там, где должна биться жизнь. Прежде чем бежать к бабушке, ей нужно убедиться, что человек действительно мертв. Теплая кожа мужчины оказалась обжигающе горячей для заледеневших пальцев Рады, и девушка тут же одернула руку, но мертвец вдруг схватил ее за запястье.

— Попалась! — прорычал он ей в лицо и легким движением перекинул через шею пояс, сорванный со своей талии.

— Лжец! — успела процедить Рада прежде, чем узел затянулся на ее шее.

Она отчаянно вцепилась в удавку, пытаясь продеть под нее пальцы и ослабить хватку, но мужчина и не думал ее душить. Пояс служил не для этого, и испуганная Рада слишком поздно разгадала его план. Это был не обычный пояс. На нем лежал наговор оцепенения. Руки Рады словно налились свинцом, за несколько коротких мгновений потяжелели настолько, что она не смогла их держать на весу и уронила на траву. Даже пальцы и те не шевелились, голова не поворачивалась. Тело Рады превратилось в камень. Мужчина довольно крикнул и пальцем ткнул ее в лоб. Рада повалилась на землю, как срубленное под корень дерево. Ее немигающий взгляд устремился в небо. Луну заволокли проплывающие мимо грозовые тучи, тяжелые от приближающегося ливня.

Она не могла говорить. Не могла дышать. Не могла закрыть глаза. Теперь ее единственным спасением были уши, которые неумолимо ловили каждый шорох, но, к сожалению, это не могло ей ничем помочь.

Лицо мужчины нависло над ней – бородатое и испещренное морщинами. Он не был ни молод, ни стар. Казалось, застрял в расцвете лет, но сторел дотла из-за жизни, за которую был вынужден бороться. Злые черные глаза влажно блестели, как у лягушки, а обвислая кожа на шее дергалась при каждом резком движении подобно тряпке на ветру.

— Прости, девчуленька, — хрипло прокряхтел он, снимая портки. — Работа всякая бывает. А у меня шестеро детей, кормить надо. Ты уж зла не держи. Выбора нет.

Запертое внутри каменного тела сердце Рады заметалось в разные стороны, желая своим неистовым биением заставить руки и ноги шевелиться. В глазах, которые она не могла даже закрыть, лишь бы не видеть нависшего над ней мужчину, появились слезы, и горячие слезинки, не почувствовав никакого сопротивления, соскользнули вниз по ее вискам.

Мужчина без особой заботы раздвинул ее ноги, задрал край прилипшей к телу мокрой рубашки, опустил между ее бедер и последний раз взглянул на лицо Рады. От мягкого, почти ласкового прикосновения шершавых пальцев к щеке Раду затошнило. Блестящие слезы, алмазами сверкавшие в ее разноцветных глазах, растрогали мужчину, и чтобы лишней раз не отвлекаться, он набросил ей на лицо ее же сарафан. Если раньше ей было страшно, то в крошечной темноте этот страх превратился в неистовый ужас. Ей хотелось кричать, и она пыталась это делать, но будто склеенный рот не давал ни единому звуку вырваться наружу. Громкий крик умирал в ее горле, превращаясь в жалобное мычание.

Заклятие оцепенения не лишает человека чувств. Оно забирает контроль. Не в силах пошевелиться, Рада, рыдая, умоляла мужчину не делать того, что он собирался, но ее мольба не облачилась в слова, не достигла его ушей, не смогла его остановить. Покрывшиеся мурашками от холода и страха ноги Рады схватили крепкие мозолистые руки, раздвинув пошире, и между бедер разлилось омерзительное тепло чужого тела. Мужчина приступил к своей «работе».

Первый рывок – и нижнюю часть живота Рады прострелила такая боль, что сознание едва не покинуло ее. Перед глазами появились странные красноватые вспышки, хотя она по-прежнему не могла ясно видеть из-за сарафана. Крик девушки столкнулся с плотно сомкнутыми губами и растворился, будто его и не было. Еще рывок, и еще. Рада надеялась, что, быстро выполнив свое грязное дело, мужчина остановится, но молодое девичье тело пришлось ему по душе. То, что он начал делать по чьему-то поручению, стало приносить ему удовольствие, и его довольное пыхтение и стоны были тому доказательством. Рада чувствовала, как ядовитой змеей ползет по ее животу его горячая шершавая ладонь, как мозолистые пальцы до боли сжимают грудь. Она молила уши оглохнуть, чтобы его стоны и хрипы, спутники приближающегося удовольствия, навсегда стихли, оставив ее в тишине, но слух предательски продолжал ловить все звуки. С каждым новым рывком голова Рады ерзала по земле вверх-вниз, ударяясь о камень, лежащий у тропинки, и каждый раз при столкновении с ним она надеялась, что сейчас ее череп расколется надвое. Но каждый раз силы удара не хватало для того, чтобы избавить ее от страданий.

От отчаяния она принялась считать. Раз, два, три... девять, десять, одиннадцать...

На двенадцатый раз сарафан чуть соскользнул с ее лица, дав волю глазам, которые тут же впелись в грозовые тучи на небе. Всполох малиновой молнии отразился в глазах Рады, на мгновение сделав черный глаз белым.

«Всеведущая Мокошь, взирающая на детей своих с высоты цветущего трона в Прави, обрати свой взор на дочь, что преданно служила тебе всю свою жалкую жизнь, и избавь от мучений, позора и стыда. Даруй мне смерть, избавляющую от боли и унижений, заведи в Правь смиренно склонить голову у трона твоего, стать еще одним цветком, его украшающим. Умоляю тебя, пусть все закончится!»

Она ждала. Ждала, что небеса ответят на отчаянный зов.

Но небеса остались глухи к ее молитвам.

Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

— Помочь?

Грозовые тучи заслонило лицо незнакомца, от носа до шеи скрытое черной тканью, но в падающей на лоб тени капюшона Рада сразу узнала глаза – светло-серые, будто слепые. Тот гость, что приходил к Яге вечером!

Мужчина продолжал свое дело, будто не замечая, что рядом с ним, задевая колени Рады развевающимся на ветру плащом, стоит высокий человек и смотрит на совершаемое преступление. Даже низкий голос незнакомца не заставил насильника оторваться от Рады хоть на секунду, и ей на мгновение подумалось, что незнакомец – это неспокоенная душа мертвеца, привидевшаяся только ей. Но мужчина щелкнул пальцами, и поясок, пригвоздивший Раду к земле, загорелся, мгновенно ударив в нос девушки запахом жженого тряпья.

Не раздумывая, она вскинула освободившуюся от заклęcia руку, схватила камень, о который семнадцать раз ударилась головой, и со всей силы ударила им по виску мужчины. Тот непонимающе крикнул от боли, их взгляды на миг встретились, а потом лягушачьи глазки мужчины закатились, показав Раде налившимся кровью глазные яблоки.

Рыча от ярости, Рада спихнула мужчину с себя, села на него верхом и, перехватив камень поудобнее, продолжила бить, вышибая из его головы остатки жалкой жизни. Горячие слезы капали ему на лицо, смешиваясь с кровью, но это только сильнее разжигало ненависть в сердце девушки. Она остановилась только тогда, когда в его лице больше не могла узнать черты того мужчины, что напал на нее. Перед ней лежал просто кусок мяса, который она скормила бы свиньям, если бы они у нее были.

Испугавшись собственных мыслей, она взвизгнула, отшвырнула камень в сторону реки и отползла от мертвеца как можно дальше, прижав к себе колени и натянув на них окровавленную рубаху так, что ткань жалобно затрещала от натуги. Качаясь из стороны в сторону, как безумная, она вновь и вновь повторяла молитву Мокоши, лишь бы успокоить стучащее в груди сердце, но кровь яростно пульсировала в висках. Ступни утопали в глинистой почве, но она продолжала все глубже зарывать их в землю, потому что только могильный холод мог привести ее в чувство.

Рада ошалело покрутила головой, ища глазами незнакомца в капюшоне, но на тропе никого не было. Наощупь девушка отыскала на себе дымящийся зачарованный пояс, сорвала его со своей шеи, зашипев от боли. Теперь, словно ожерелье, на шее красовался уродливый ожог. Почти целиком пояс почернел, но на самом кончике осталась нетронутой красная кисточка с жемчужной бусиной, и от потрясения дар речи снова покинул Раду. Она очень хорошо знала этот пояс потому, что сделала его сама. Сама заговорила его, чтобы мог парализовать любого, на ком будет завязан узлом.

Год назад она преподнесла этот пояс в подарок Ладе на ее день рождения, чтобы она использовала его на матери, если та будет слишком грубо с ней обращаться.

Обуревавший ее гнев разом испарился. Чувства притупились вместе с высохшими слезами. Она быстро сложила кусочки мозаики и оценила, в каком ужасном положении оказалась. Надругательство над ее телом сейчас не было ее главной бедой. Убийство человека – вот за что она могла поплатиться собственной жизнью.

Заставив себя забыть про ноющую боль внутри, Рада, шатаясь, поднялась на ноги. По ее бедрам потекла струйка горячей крови, но и это девушке пришлось оставить без внимания. Сейчас ей было некогда себя жалеть. Она подумает об этом позже. Рада бросила оценивающий взгляд на реку, измеряя расстояние, а затем на бездыханное тело мужчины.

Она справится. Все будет хорошо. Она не отдаст свою жизнь за смерть какого-то похотливого ублюдка!

Рада подняла с земли мужские брюки, и в траву посыпались золотые монеты, спрятанные в карманах. Одну монетку Рада положила в карман своего сарафана, а остальные бросила в воду. Затем привязала одну штанину к его щиколотке, а вторую пока оставила волочиться по земле. Схватила мертвеца под мышки и, рыча от натуги, потащила вниз по пологому склону к реке. На берегу бросила его изуродованным лицом в грязь, затолкала в пустую штанину окровавленный камень, которым размозжила обидчику голову, схватила еще один булыжник побольше и обвязала его тканью брюк, чтобы не выпали.

Рада вошла в ледяную воду Морошки первой и за собой увлекла мертвеца. Вода, сжалившись над ней, облегчила этот тяжелый груз и помогла дотащить тело до середины реки, где земля еще не уходила из-под ног. Рада закрыла глаза, успокаивая дыхание, прислушалась к журчанию воды, почувствовала силу стремительного течения. И нараспев произнес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.